

А.А.РЕФОРМАТСКИЙ

ВВЕДЕНИЕ
В
ЯЗЫКОЗНАНИЕ

1935

А.А. РЕФОРМАТСКИЙ

ВВЕДЕНИЕ
В
ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ
ДЛЯ
ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ

*Утверждено
Министерством просвещения РСФСР*

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР

Москва • 1955

Александр Александрович Реформатский

Введение в языкознание

Редактор *Н. М. Шанский*

Художник *Г. Смелова*

Технический редактор *Н. П. Цирульниковский*. Корректор *В. А. Соловова*

* * *

Сдано в набор 23/IV 1955 г. Подписано к печати 20/IX. 1955 г. 60×92¹/₁₆.
25 п. л. Уч.-изд. л. 23,13 Тираж 75 тыс. экз. А05271.

* * *

Учпедгиз. Москва, Чистые пруды, 6. Заказ № 426.

Министерство культуры СССР.

Главное управление полиграфической промышленности.
Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова.
Москва, Ж-54, Валовая, 28.

Цена без переплёта 4 р. 65 к. Переплёт 1 р. 50 к.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	<i>Стр.</i>		<i>Стр.</i>
Глава I. Введение			
§ 1. Почему язык не относится к явлениям природы	5	§ 24. Основной словарный фонд	97
§ 2. Язык как общественное явление	10	§ 25. Словарный состав языка	101
§ 3. Структура языка. Язык как система.	16	§ 26. Изменения словарного состава языка	112
§ 4. Язык и речь	25	Глава III. Фонетика	
§ 5. Синхрония и диахрония	28	§ 27. Сведения из акустики	123
Глава II. Лексикология		§ 28. Анатомия речевого аппарата и физиология органов речи	126
§ 6. Слово как предмет лексикологии.	33	§ 29. Классификация звуков речи	133
§ 7. Типы слов в языке	42	§ 30. Согласные	135
§ 8. Равноценность и её разновидности	47	§ 31. Гласные	144
§ 9. Полисемия	49	§ 32. Фонетическое членение речи	153
§ 10. Метафора	51	§ 33. Фонетические (звуковые) процессы	157
§ 11. Перенос по функции	51	§ 34. Позиционные изменения. Редукция	158
§ 12. Метонимия	53	§ 35. Аккомодации	163
§ 13. Синекдоха	55	§ 36. Ассимиляции	165
§ 14. Омонимия	56	§ 37. Диссимиляции	167
§ 15. Синонимы	62	§ 38. Прочие фонетические процессы	169
§ 16. Антонимы	66	§ 39. Фонемы, позиции, вариации и варианты	171
§ 17. Табу и эвфемизмы	69	§ 40. Система фонем или фонетическая система языка	181
§ 18. Этимология и «народная» этимология	72	§ 41. Орфоэпия	184
§ 19. Контекст и эллипсисы	77	§ 42. Фонетические законы	185
§ 20. Терминология	80	Глава IV. Грамматика	
§ 21. Лексикализация и идиоматика	90	§ 43. Что такое грамматика	191
§ 22. Фразеология	96	§ 44. Грамматические способы языков	207
§ 23. Словарный состав и основной словарный фонд	97	§ 45. Способ аффиксации	207

	<i>Стр.</i>		<i>Стр.</i>
§ 46. Агглютинация и фузия . . .	210	§ 71. Алфавит	287
§ 47. Морфологический и этимологический состав слова . . .	215	§ 72. Орфография	291
§ 48. Внутренняя флексия и чередования	216	§ 73. Транскрипция	295
§ 49. Повторы	221		
§ 50. Сложения	223	Глава VI. Классификация языков	
§ 51. Способ служебных слов . . .	226	§ 74. Языки мира	308
§ 52. Способ порядка слов . . .	234	§ 75. Возможности классификации языков	299
§ 53. Способ ударения	236	§ 76. Первые опыты генеалогической классификации языков	300
§ 54. Способ интонации	238	§ 77. Сравнительный метод в языкознании	304
§ 55. Супплетивизм	240	§ 78. Генеалогическая классификация языков	320
§ 56. Синтетический и аналитический строй языков . . .	242	§ 79. Типологическая (морфологическая) классификация языков	338
§ 57. Грамматические категории	245		
§ 58. Части речи	248	Глава VII. Происхождение языка. Образование и историческое развитие языков	
§ 59. Синтаксические единицы языка	252	§ 80. Происхождение языка . . .	349
§ 60. Синтагмы в составе простого предложения	258	§ 81. Образование языков . . .	356
§ 61. Предложение	259	§ 82. Основные закономерности развития языков	357
§ 62. Обороты с потенциальной предикативностью	263	§ 83. Языки родового строя . . .	369
§ 63. Типы простых предложений	264	§ 84. Первые государства и их языки.	372
§ 64. Сложное предложение . . .	266	§ 85. Языки феодального периода	373
§ 65. Сочинение	271	§ 86. Возникновение наций и национальных языков	377
§ 66. Внесение	272	§ 87. Языковые отношения эпохи капитализма	386
§ 67. Сложное синтаксическое целое	273	§ 88. Язык в социалистическом обществе	391
Глава V. Письмо			
§ 68. Общее понятие о письме и предпосылки письма . . .	274		
§ 69. Этапы и формы развития начертательного письма . . .	277		
§ 70. Графика	285		

ГЛАВА I

ВВЕДЕНИЕ

Язык есть важнейшее средство человеческого общения. Без языка не может быть общения, а без общения не может быть общества, а тем самым и человека.

Данный курс стремится последовательно рассказать о языке, его месте среди прочих явлений действительности, о его структуре, его отдельных сторонах, о тех закономерностях, которые управляют историческим развитием языков.

Курс призван ознакомить с системой понятий и терминов, которыми пользуется любая языковедческая дисциплина, он должен быть подлинным «введением» в весь цикл лингвистических предметов.

В разделе «Введение» будет определено место языка в действительности и освещены наиболее общие вопросы, связанные с языком в целом, что не требует специальных знаний в области лексикологии, фонетики и грамматики.

§ 1. ПОЧЕМУ ЯЗЫК НЕ ОТНОСИТСЯ К ЯВЛЕНИЯМ ПРИРОДЫ

Долгое время учёные пытались доказать, что язык — это такой же организм, как животные и растения, что он развивается по тем же законам природы, одинаковым для всех языков в любом месте и в любое время; как все организмы, рождается, созревает, достигает расцвета, клонится к упадку и умирает. Особенно популярным было такое понимание языка в середине XIX века, когда успехи естественных наук, и в частности дарвинизма, увлекли многих занимавшихся науками о человеке и его особенностях¹.

Однако такое понимание языка не приводит к правильному объяснению явлений действительности, а, наоборот, уводит от истины.

¹ См. гл. VI «Классификация языков».

В этом легко могут убедить некоторые «мысленные» опыты.

На первый взгляд может показаться, что ребёнок выучивается дышать, смотреть, ходить и говорить одинаковым путём. Но это неверно. Если новорождённого ребёнка поселить на необитаемый остров и если он выживет там, то он будет прекрасно бегать, лазать, прятаться от опасностей, добывать себе пищу, но говорить он не будет, так как ему не у кого научиться говорить и не с кем говорить.

Природные, биологические свойства человека могут развиваться и вне общества, и в изолированном состоянии, но навыки, связанные с языком, в таких условиях развиваться не могут.

Известно, что от родителей-зулусов может произойти только негритёнок, а от родителей-китайцев — только китайчонок, но значит ли это, что первый ребёнок обязательно будет говорить по-зулусски, а второй — по-китайски?

Для решения этого вопроса проделаем второй «мысленный» опыт: «переселим» новорождённого зулуса в Китай, а китайчонок — в Африку к зулусам. Окажется, что зулус будет говорить по-китайски, а китаец — по-зулусски. И хотя своим внешним видом эти дети будут резко выделяться из окружающей их среды (маленький зулус будет похож на своих родителей, а маленький китаец — на своих), по языку они будут совершенно одинаковы с окружающими их людьми.

Итак, язык не передаётся по физической наследственности, тогда как цвет кожи, пропорции тела, форма черепа, характер волосяного покрова — так называемые расовые признаки — неизбежно следуют биологическим законам наследственности.

Отсюда ясно, что отождествление языковых и расовых признаков — грубая ошибка. Близость языков друг к другу вовсе не соответствует расовой схожести, и, наоборот, общность расы не связана с единством или схожестью языков. Границы рас и границы языков не совпадают.

Так, представители средиземноморской расы, живущие по северному побережью Средиземного моря, по языку относятся к различным группам и семьям (турки, греки, албанцы, сербы, итальянцы, французы, испанцы и др.); говорящие же на одном — французском — языке жители Франции относятся к трём разным расам (северные, центральные и южные французы).

Особый интерес представляет в этом отношении население Соединённых Штатов Америки, чрезвычайно пёстрое по своему расовому составу благодаря тому, что оно составилось из эмигрантов из самых разных частей света и стран (европейцы разных рас, негры, китайцы, турки, арабы и многие другие), но по языку они одинаковы: все они говорят на английском языке в его американской разновидности.

Сторонники биологического взгляда на язык отождествляли язык и расу и тем самым искажали реальные отношения, существующие в действительности между этими явлениями.

Но многие учёные в конце XIX и в XX веке резко протестовали против этого отождествления. Так, И. А. Бодуэн-де-Куртене (1845—1929) писал: «Одним из научных заблуждений является отождествление языка с расой... между расой и конкретным языком нет ни малейшей связи»¹.

Национальная политика Советского Союза на практике опровергает и другой «расистский предрассудок» — всякие теории неравноценности рас и установление «культурного потолка» для развития различных народов и рас. Народы царской России получили после Великой Октябрьской социалистической революции все предпосылки для развития своей национальной культуры и своего родного языка, а тем самым получили письменность и литературу на своём языке, школу, театр и с успехом развиваются и обогащают общую мировую культуру.

Итак, расовая характеристика людей, во-первых, ничего нам не говорит о языковой принадлежности данного населения и, во-вторых, не имеет никакого отношения к их культурному развитию. Отсюда ясно, каким величайшим преступлением перед человечеством является расовая дискриминация, имеющая место во многих капиталистических странах.

Сторонники биологического взгляда на язык имеют ещё один аргумент в запасе. Это так называемый единый «детский» язык у всех народов.

Наблюдения показывают, что действительно у всех детей в любой точке земного шара первыми «звуками» бывают слоговые соче-

¹ И. А. Бодуэн-де-Куртене, Язык и языки, Статья в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона, полутом 81.

тания по преимуществу с губными согласными: *ма-ма, па-па, ба-ба*, а далее: *ня-ня, тя-тя, дя-дя*; эта общность связана с тем, что движением губ легче управлять, чем движением, например, задней части языка, а наличие слогов *няня* и т. п. объясняется тем, что при мягких согласных работает большая масса языка, чем при твёрдых; но это детское «лепетанье» ещё ничего общего с языком не имеет, так как это только «звуки», лишённые смысла и получающиеся в результате пробы мускулов, так же как «дрыганье» ножками и ручками — не танец и не пластика.

Словами эти звукосочетания становятся только тогда, когда они делаются *н а з в а н и я м и*, когда они начинают передавать смысл. И тогда всякая иллюзия общности «детского» языка и естественности его возникновения исчезает.

Одинаковые по звучанию слова, оказывается, в разных языках *з н а ч а т* разное. Так, в русском *мама* — «мать», а в грузинском — «отец», *баба* по-русски — «бабушка», а в тюркских языках — «дедушка», *деда* в грузинском — «мать», а русские *деда* и *дядя* ничего общего с «матерью» не имеют, английские же дети словами *дэдди, дэд* называют отца. Следовательно, хотя дети и используют данные звукосочетания одинаково, но понимать они друг друга не могут, так как у них разные языки, что зависит от языка взрослых, которые и учат детей бессмысленные слоги превращать в слова.

Можно ли считать, что «даром речи» наряду с человеком обладают и животные? Нет, нельзя.

Ещё Аристотель высказывался против такого допущения: «Только человек из всех живых существ одарён речью» («Политика»). Эта формулировка в развитом виде часто встречается у деятелей эпохи Возрождения разных стран. Так, Данте (XIV в.) указывает, что речь нужна лишь человеку, чтобы разъяснять друг другу свои мысли (трактат «О народном красноречии»); Боссюэт (XVII в.) писал так: «Одно — воспринимать звук или слово, поскольку они воздействуют на воздух, затем на уши и на мозг, и совершенно иное — воспринимать их как знак, установленный людьми, и вызывать в своём разуме обозначаемые ими предметы. Это последнее и есть понимание языка. У животных нет никакого следа такого понимания» (трактат «О познании бога и самого себя»).

Правда, у животных мы можем наблюдать некоторые случаи использования звуков для сообщения; это, например, звуковые

сигналы, которыми мать созывает птенцов (утки, тетёрки) или которыми самец-вожак предупреждает выводок или стадо об опасности (куропатки, горные бараны); животные могут также звуками выражать свои эмоции (гнев, страх, удовольствие). Однако всё это лишь биологические, рефлекторные явления, основанные частью на инстинктах (безусловные рефлексы), частью на опыте (условные рефлексы). Ни «слов», ни выражения «мыслей» здесь нет.

Исследования И. П. Павлова позволяют теоретически правильно решить эти вопросы.

И. П. Павлов писал: «...животные и примитивные люди, до тех пор пока эти последние не развились в настоящих людей и не приблизились к нашему состоянию, сносятся и сносились с окружающим миром только при помощи тех впечатлений, которые они получали от каждого отдельного раздражения в виде всевозможных ощущений: зрительных, звуковых, температурных и т. д. Затем, когда наконец появился человек, эти первые сигналы действительности, которыми мы постоянно ориентируемся, заменились в значительной степени словесными... Понятное дело, что на основе впечатлений от действительности, на основе этих первых сигналов её у нас развились вторые сигналы в виде слов»¹.

Отсюда вытекает теория И. П. Павлова о первой и второй сигнальных системах.

Впечатления, ощущения и представления от окружающей внешней среды как общеприродной, так и социальной (исключая слово, слышимое и видимое) — «это первая сигнальная система действительности, общая у нас с животными»².

Вторая сигнальная система связана с абстрактным мышлением, образованием общих понятий и словом: «Огромное преимущество человека над животными заключается в возможности иметь общие понятия, которые образовались при помощи слова...»³

«...слово составило вторую, специально нашу, сигнальную систему действительности, будучи сигналом первых сигналов»⁴.

На первый взгляд кажется, что всё это не касается домашних животных, которые «понимают» человека и его речь. Конечно,

¹ «Павловские среды», т. III, 1949, стр. 318.

² И. П. Павлов, Полное собрание трудов, т. III, 1949, стр. 568.

³ «Павловские среды», т. III, 1949, стр. 270.

⁴ И. П. Павлов, Полное собрание трудов, т. III, 1949, стр. 568.

домашние животные, живя из поколения в поколение среди людей, тем самым вовлекаются в социальный круг людского общежития, легко поддаются дрессировке и приучаются «слушать» человека («но!», «тпру!» — для лошадей; «даун!», «куш!» — для собак; «брысь!» — для кошек и т. п.), могут предупреждать человека (собаки — лаем, а когда «просятся», то повизгиванием), могут выражать свои эмоции (ржанием, скулением, мяуканьем и т. п.), но всё это не выходит за пределы первой сигнальной системы, так как речевая деятельность недоступна даже самым «интеллигентным» животным.

Дюринг, пытавшийся освободить отвлечённое и подлинное мышление от «посредства речи», получил отповедь от Энгельса: «Если так, то животные оказываются самыми отвлечёнными и подлинными мыслителями, так как их мышление никогда не затемняется назойливым вмешательством речи»¹.

На вопросе о «естественности» или «условности» отношения звука и смысла в слове мы остановимся несколько ниже в связи с выяснением вопроса о структуре языка.

Всё сказанное позволяет сделать вывод, что:

- 1) язык не природное, не биологическое явление;
- 2) существование и развитие языка не подчинено законам природы;
- 3) физические признаки человека (например, расовые) не имеют отношения к языку;
- 4) языком обладают только люди — это вторая сигнальная система, которой нет у животных.

§ 2. ЯЗЫК КАК ОБЩЕСТВЕННОЕ ЯВЛЕНИЕ

Если язык не природное явление, то, следовательно, его место среди явлений общественных. Это решение правильное, но для того чтобы была полная ясность, необходимо выяснить место языка среди других общественных явлений.

Что же общего у языка с другими общественными явлениями и чем же язык от них отличается?

¹ Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, 1948, стр. 79.

И. В. Сталин на первый вопрос даёт такой ответ:

«...языку, как общественному явлению, свойственно то общее, что присуще всем общественным явлениям, в том числе базису и надстройке, а именно: он обслуживает общество так же, как обслуживают его все другие общественные явления, в том числе базис и надстройка. Но этим собственно и исчерпывается то общее, что присуще всем общественным явлениям. Дальше начинаются серьёзные различия между общественными явлениями. Дело в том, что у общественных явлений, кроме этого общего, имеются свои специфические особенности, которые отличают их друг от друга и которые более всего важны для науки»¹.

«Специфические особенности базиса состоят в том, что он обслуживает общество экономически»². «Базис есть экономический строй общества на данном этапе его развития»³.

«Надстройка — это политические, правовые, религиозные, художественные, философские взгляды общества и соответствующие им политические, правовые и другие учреждения. Всякий базис имеет свою, соответствующую ему надстройку»⁴.

«Специфические особенности надстройки состоят в том, что она обслуживает общество политическими, юридическими, эстетическими и другими идеями и создаёт для общества соответствующие политические, юридические и другие учреждения»⁵.

Мысль о том, что язык не биологический организм, а общественное явление, высказывалась и раньше у представителей «социологических школ» как под флагом идеализма (Ф. дё-Соссюр, Ж. Вандриес), так и под флагом материализма (Л. Нуаре, Н. Я. Марр), но камнем преткновения в этом было непонимание структуры общества и специфики общественных явлений.

Наиболее популярным было причисление языка к области надстроек и отождествление языка с культурой. А это влекло за собой целый ряд неверных выводов, так как данные предпосылки неверны.

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1954, стр. 35.

² Там же, стр. 35—36.

³ Там же, стр. 5.

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 36.

Если «язык относится к числу общественных явлений, действующих за всё время существования общества», если «он рождается и развивается с рождением и развитием общества», если «он умирает вместе со смертью общества», если, наконец, «вне общества нет языка»¹, то это вовсе не значит, что законы существования и развития языка те же самые, что и законы, регулирующие жизнь базиса и надстройки.

Никому не приходило в голову отождествлять язык с базисом, но включение языка в надстройку было типично как для советского языкознания, так и для зарубежного.

Почему язык не является надстройкой?

Надстройка

1) «Всякий базис имеет свою, соответствующую ему надстройку»².

«Если изменяется и ликвидируется базис, то вслед за ним изменяется и ликвидируется его надстройка, если рождается новый базис, то вслед за ним рождается соответствующая ему надстройка»³.

2) «Надстройка есть продукт одной эпохи, в течение которой живёт и действует данный экономический базис»⁴.

3) «Надстройка не связана непосредственно с производством, с производственной деятельностью человека. Она связана с производством лишь косвенно, через посредство экономики, через посредство базиса. Поэтому над-

Язык

1) «Язык порождён не тем или иным базисом, старым или новым базисом, внутри данного общества, а всем ходом истории общества и истории базисов в течение веков»⁴.

2) «Язык же, наоборот, является продуктом целого ряда эпох, на протяжении которых он оформляется, обогащается, развивается, шлифуется. Поэтому язык живёт несравненно дольше, чем любой базис и любая надстройка»⁶.

3) «Язык же, наоборот, связан с производственной деятельностью человека непосредственно, и не только с производственной деятельностью, но и со всякой иной деятельностью человека во всех сферах его работы от про-

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1954, стр. 22.

² Там же, стр. 5.

³ Там же, стр. 6.

⁴ Там же, стр. 7.

⁵ Там же, стр. 9.

⁶ Там же.

стройка отражает изменения в уровне развития производительных сил не сразу и не прямо, а после изменений в базисе...»¹

4) «Надстройка порождается базисом, но это вовсе не значит, ... что она пассивна, нейтральна, безразлично относится к судьбе своего базиса, к судьбе классов, к характеру строя...»²

изводства до базиса, от базиса до надстройки. Поэтому язык отражает изменения в производстве сразу и непосредственно, не дожидаясь изменений в базисе»³.

4) Язык «... создан не одним каким-нибудь классом, а всем обществом, всеми классами общества, усилиями сотен поколений. Он создан для удовлетворения нужд не одного какого-нибудь класса, а всего общества, всех классов общества»⁴.

Последнее положение очень важно, так как представление о классовости языка было одним из главных положений «нового учения» о языке Н. Я. Марра и его последователей.

Сторонники «классовости» языка «воспринимают противоположность интересов буржуазии и пролетариата, их ожесточённую классовую борьбу, как распад общества, как разрыв всяких связей между враждебными классами. Они считают, что поскольку общество распалось и нет больше единого общества, а есть только классы, то не нужно и единого для общества языка... Остаются классы и «классовые языки»⁵.

«Наоборот. Пока существует капитализм, буржуа и пролетарии будут связаны между собой всеми нитями экономики, как части единого капиталистического общества»⁶.

Что же касается языка, то «ни для кого не составляет тайну тот факт, что русский язык так же хорошо обслуживал русский капитализм и русскую буржуазную культуру до Октябрьского переворота, как он обслуживает ныне социалистический строй и социалистическую культуру русского общества»⁷.

Итак, никаких классовых языков нет и не было⁸.

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1954, стр. 10—11.

² Там же, стр. 7.

³ Там же, стр. 11.

⁴ Там же, стр. 7.

⁵ Там же, стр. 18.

⁶ Там же, стр. 19.

⁷ Там же, стр. 8.

⁸ О классовых жаргонах см. гл. VII, § 88.

В связи с этим следует еще остановиться на вопросе об отождествлении языка и культуры. Это положение неправильно, так как культура — это идеология, т. е. явление надстройки, язык же не относится к надстройке: «... культура и язык — две разные вещи. Культура может быть и буржуазной и социалистической, язык же, как средство общения, является всегда общенародным языком и он может обслуживать и буржуазную и социалистическую культуру»¹.

Каково же отношение между языком и культурой?

И. В. Сталин даёт такой ответ: «...национальный язык есть форма национальной культуры»².

Были, наконец, попытки, в частности у Н. Я. Марра, уподобить язык орудиям производства.

И. В. Сталин показал, что это лишь аналогия, которая имеет свои границы: «... между языком и орудиями производства существует некоторая аналогия: орудия производства, так же как и язык, проявляют своего рода безразличие к классам и могут одинаково обслуживать различные классы общества, как старые, так и новые... Но зато между языком и орудиями производства существует коренная разница. Разница эта состоит в том, что орудия производства производят материальные блага, а язык ничего не производит или «производит» всего лишь слова»³.

Таким образом, язык нельзя причислить ни к базисам, ни к надстройкам, ни к орудиям производства; язык не тождествен культуре, и язык не может быть классовым.

Тем не менее язык — это общественное явление, занимающее своё, особое место среди других общественных явлений и обладающее своими специфическими чертами. Каковы же эти специфические черты? «Они состоят в том, что язык обслуживает общество, как средство общения людей, как средство обмена мыслями в обществе, как средство, дающее людям возможность понять друг друга и наладить совместную работу во всех сферах человеческой деятельности, как в области производства, так и в области экономических отношений, как в области политики, так и в области культуры, как в общественной жизни, так и в быту. Эти особенности свой-

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1954, стр. 20.

² Там же, стр. 21.

³ Там же, стр. 36—37.

ственны только языку, и именно потому, что они свойственны только языку, язык является объектом изучения самостоятельной науки, — языкознания»¹.

«...без языка, понятного для общества и общего для его членов, общество прекращает производство, распадается и перестаёт существовать, как общество. В этом смысле язык, будучи орудием общения, является вместе с тем орудием борьбы и развития общества»².

Так как язык как орудие общения является одновременно и средством обмена мыслями, естественно возникает вопрос о соотношении языка и мышления.

В отношении этого вопроса существует две противоположные и в равной мере неправильные тенденции: 1) отрыв языка от мышления и мышления от языка и 2) отождествление языка и мышления.

Отрыв языка от мышления пропагандировал Н. Я. Марр, по поводу чего писал И. В. Сталин: «Говорят, что мысли возникают в голове человека до того, как они будут высказаны в речи, возникают без языкового материала, без языковой оболочки, так сказать, в оголённом виде. Но это совершенно неверно. Какие бы мысли ни возникли в голове человека и когда бы они ни возникли, они могут возникнуть и существовать лишь на базе языкового материала, на базе языковых терминов и фраз. Оголённых мыслей, свободных от языкового материала, свободных от языковой «природной материн» — не существует. «Язык есть непосредственная действительность мысли» (М а р к с). Реальность мысли проявляется в языке. Только идеалисты могут говорить о мышлении, не связанном с «природной материей» языка, о мышлении без языка»³.

И в другом месте: «Будучи непосредственно связан с мышлением, язык регистрирует и закрепляет в словах и в соединении слов в предложениях результаты работы мышления, успехи познавательной работы человека и, таким образом, делает возможным обмен мыслями в человеческом обществе»⁴.

Следовательно, мысли и рождаются на базе языка, и закрепляются в нём. Однако это вовсе не означает, что язык и мышление представляют тождество.

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1954, стр. 36.

² Там же, стр. 23.

³ Там же, стр. 39.

⁴ Там же, стр. 22.

Законы мышления изучает логика. Логика различает понятия с их признаками, суждения с их членами и умозаключения с их формами. В языке существуют иные значимые единицы: морфемы, слова, предложения, что не совпадает с указанным логическим делением.

Многие грамматисты и логики XIX и XX веков пытались установить параллелизм между понятиями и словами, между суждениями и предложениями. Однако нетрудно убедиться, что вовсе не все слова выражают понятия (например, междометия, которые выражают чувства и желания, но не понятия; местоимения, которые лишь указывают, а не называют и не выражают самих понятий; собственные имена, которые лишены выражения понятий и др.) и не все предложения выражают суждения (например, вопросительные и побудительные предложения). Кроме того, члены суждения не совпадают с членами предложения.

Законы логики — законы общечеловеческие, так как мыслят люди все одинаково, но выражают эти мысли на разных языках по-разному. Национальные особенности языков никакого отношения к логическому содержанию высказывания не имеют; то же относится и к грамматической форме высказывания: в языке она может быть разнообразной, но соответствовать той же логической единице (например, *отступить вредно* — *отступление вредно* и т. п.).

Язык и мышление образуют единство, так как и без мышления не может быть языка, и мышление без языка невозможно. И язык, и мышление возникли исторически одновременно в процессе трудового развития человека: «Язык так же древен, как и сознание; язык как раз и *есть* практическое, существующее и для других людей, и лишь тем самым существующее также и для меня самого действительное сознание»¹.

§ 3. СТРУКТУРА ЯЗЫКА. ЯЗЫК КАК СИСТЕМА

Как орудие общения язык должен иметь своё устройство, обладать известной структурой и образовать единство своих элементов как некоторая система.

Прежде чем говорить о структуре и системе языка, необходимо выяснить ещё один вопрос.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, *Немецкая идеология*, Соч., т. IV, стр. 20.